

Своеобразие Уральского старопромышленного региона: социально-топологический аспект*

Сергей Азаренко

Андрей Келлер

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

The Regional Peculiarities of the Ural Old Industrial District: Socio-Topological Aspects

Sergey Azarenko

Andrey Keller

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Starting with the large-scale transformations of Peter the Great in the first quarter of the eighteenth century, the mining industry of the Urals was subjected to increased state and legal regulation. Based on theoretical aspects of social topology, an attempt is made to describe the influence of the regional peculiarities and identity of the Ural old industrial region on the forms of management and social practices of the region's mining economy. The work's purpose is to identify the difference in the organisation of factory production, depending on the form of ownership of the enterprise: state, possessional, or allodial. It is necessary to identify the role of administrative and economic practices and constraining and developing factors: the vast territory and the

* Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в соответствии с исследовательским проектом № ФЕУЗ-2020-0056 «Региональная идентичность России: сравнительно-исторические и филологические исследования».

** *Citation*: Azarenko, S., Keller, A. (2022). The Regional Peculiarities and Identity of the Ural Old Industrial District: Socio-Topological Aspects. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 335–352. DOI 10.15826/qr.2022.1.675.

Цитирование: Azarenko S., Keller A. The Regional Peculiarities and Identity of the Ural Old Industrial District: Socio-Topological Aspects // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 335–352. DOI 10.15826/qr.2022.1.675 / Азаренко С., Келлер А. Своеобразие и идентичность Уральского старопромышленного региона: социально-топологический аспект // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 335–352. DOI 10.15826/qr.2022.1.675.

predominance of traditional management and everyday practices, on which private and state entrepreneurship had been based on for a long time. The dual system of mining and civil administrations led to the emergence of complex phenomena like the *district system* (V. V. Adamov) and *polymorphism* (I. V. Poberezhnikov). The authors try to substantiate one of the main reasons for increased social turbulence in the early twentieth century. On the basis of this study, it can be assumed that in the conditions of a balanced development of industry at the micro-, meso-, and macro- levels, the need to resort to the levers of mobilisation and forced modernisation decreased due to the sufficient availability of financial, industrial, natural, and human resources.

Keywords: regional peculiarities, regional identity, old industrial districts, management practices, mining districts, handicrafts and crafts, social topology

Начиная с широкомасштабных петровских преобразований первой четверти XVIII в. горнозаводская промышленность Урала подвергалась усиленному государственно-правовому регулированию. В статье сделана попытка описать влияние регионального своеобразия и идентичности уральского старопромышленного района на его формы управления и социальные практики горнозаводского хозяйства исходя из теоретических аспектов социальной топологии. Цель работы – выявить степень различия в организации заводского производства в зависимости от формы владения предприятием (казенной, посессионной и вотчинной). Обозначена роль административных и экономических практик, сдерживающих и развивающих факторов: огромной территории, доминирующих традиционалистских властных и повседневных практик, от которых долгое время отстраивались частное и государственное предпринимательство и управление. Дуальная система горнозаводской и гражданской администрации, по наблюдениям авторов, привела к возникновению таких сложных явлений, как *окружная система* (В. В. Адамов) и *полиморфизм* (И. В. Побережников). Сделана попытка обосновать одну из основных причин повышенной социальной турбулентности начала XX в. – нерешенность главного социального вопроса, вставшего особенно остро со второй половины XIX в. Авторы высказывают мнение о том, что в условиях уравновешенного развития промышленности на микро-, мезо- и макроуровнях вероятность необходимости прибегать к рычагам мобилизационной экономики и форсированных модернизаций снижалась ввиду достаточного наличия финансовых, производственных, природных и человеческих ресурсов. Исследование основывается на теоретических основаниях социальной топологии.

Ключевые слова: региональное своеобразие, региональная идентичность, старопромышленные районы, управленческие практики, горнозаводские округа, кустарные промыслы и ремесла, социальная топология

История горнозаводского Урала в аспекте социальной топологии

Историю горнозаводского Урала мы рассматриваем с позиций социальной топологии, определяющей такие центральные понятия исторической науки, как время и пространство, обозначаемые в социальной топологии как неотделимые друг от друга время-пространство: «У каждой вещи свое время, т. е. бытие и время имеют место. <...> Это Место складывания и вычитания, задающее основу для первичного жеста коммуникации в бытии, поскольку ставит человека в отвечающее положение по отношению к нему. <...> Такое Место и есть время, время, которое мыслится необходимо в пространстве бытия, пребывающего для селения и оседлости людской. И потому здесь время нельзя рассматривать исключительно через единство прошлого, настоящего и будущего, оно вмещает в себя большие измерения» [Азаренко, 2016, с. 414]. Время здесь – единый феномен, не делящийся механически на три части, существующие лишь как инструмент для формализаций на шкале времени. Место историка – это не «место» вообще, а обнаружение и осмысление себя в каком-то конкретном пространстве и времени исторической событийности. Социальная топология видит человека как социального актора, понимаемого не как лишь физическое тело (нем. *der Körper*), но как телесность (нем. *der Leib*), включающую всего человека с его телом, чувствами, ощущениями, мыслями, навыками и соответствующими практиками: «Телесное взаимодействие представляет собой социальную коммуникацию, которую необходимо рассматривать в качестве сложного многомерного явления, через посредство которого реализует себя исторический процесс в целом. Необходимо понимать социальную коммуникацию как такую изначальную социальную силу, которая предвывает и социальные институции, и различные практики, способствуя формированию всего социального бытия в целом» [Азаренко, 2016, с. 415]. Здесь социальная коммуникация, будучи событием, а не просто передачей информации, является величиной онтологической, где происходит взаимодействие людей в онтологическом плане. Ж.-Л. Нанси в рамках социальной онтологии толкует язык «не в качестве орудия коммуникации, и коммуникацию не в качестве орудия для бытия, но коммуникация для него и есть бытие. Выражения “жить-с”, “говорить-с” или “выходить-с” вводятся в оборот, чтобы выразить само бытие как коммуникацию. Такое бытие мы называем бытие-в-коммуникации» [Азаренко, 2020, с. 51–52]. В аспекте социальной топологии «бытие-в-коммуникации (С. А. Азаренко) является определяющим процессом в развитии тех или иных социальных и культурных форм в истории мировых сообществ» [Азаренко, 2016, с. 416]. Дуализм «исторического времени» социальная топология разрешает с помощью понятия *настоящего* во временной и каче-

ственной плоскостях: «Быть по-настоящему в настоящем – это значит размещать прошлое в настоящем в качестве осуществленного... размещать будущее в настоящем в качестве наступающего. В этом размещении время формирует отдельного человека и связывает людей в исторические сообщества» [Азаренко, 2018, с. 27–28].

Близок к социальной топологии по своему образному строю и терминологической логике В. В. Адамов в «решени[и] такой ключевой проблемы, как взаимодействие различных социально-экономических укладов» в контексте полиморфности [Гуськова, 2004, с. 34]. Чтобы изучить этот феномен комплексно, В. В. Адамов разработал концепцию *окружной системы*, введя аналогичный термин. Впервые термин «заводско-окружной» или «оригинальный» строй уральской промышленности прозвучал у В. Д. Белова [см. подробнее: Адамов; Гуськова, 1972]. Переосмыслить эту историю могут помочь отчасти модифицированные выводы ученого о социально-экономической неоднородности промышленного производства на Урале или его многоукладности с упором на механизмы взаимодействия этих укладов в горнозаводской и металлообрабатывающей промышленности [Адамов, с. 225–226]. Предложенная И. В. Побережниковым реконцептуализация понятия многоукладности как *полиморфной* социально-экономической среды в рамках теории парциальной (или частичной) модернизации помогает сделать шаг в направлении разработки концепции *полиморфной окружной системы* (А. В. Келлер) [Побережников, 2004, с. 128, 131]. Позиционированное по-новому понятие «оригинального строя» объединило и особенности технического уровня, и специфику социальных и правовых отношений во всей их совокупности, переплетение феодальных и капиталистических практик и форм экономической деятельности, сосуществование элементов протоиндустриальной (ремесленно-кустарные промыслы), мануфактурной (мануфактуры) и индустриальной (крупные заводы) промышленности: «В рамках окружной системы организации горнозаводской промышленности, по мнению В. В. Адамова, и проходило “взаимодействие укладов”, о котором писали К. Н. Тарновский, И. Ф. Гиндин и другие историки “нового направления”» [Гуськова, 2004, с. 34–35]. Со временем феодально-крепостнический уклад, согласно его концепции, начинает вытесняться новым капиталистическим, но продолжит существовать вплоть до революции 1917 г. Следовательно, «реформа 1861 г. не поколебала окружную систему, сумевшую приспособиться к изменившимся условиям. Однако она все больше теряла свою “самодостаточность”, становясь экономически невыгодной. Новый этап в развитии уральской горнозаводской промышленности связан с техническим прогрессом конца XIX – начала XX в. и проникновением монополистического капитала в экономику Урала. Он ознаменовался массовым акционированием горнозаводских округов, а также технической и финансовой “реорганизацией” заводского производства» [Там же, с. 35].

Казенные, вотчинные и посессионные заводы

Социально-топологический аспект истории горнозаводского Урала позволяет описать историческую со-бытийность, которая есть бытие-в-коммуникации. Социальные коммуникации как взаимодействие людей, опирающихся на определенные практики, приводят к опространствливанью-овременению (Ж. Деррида). Казенные горные и вотчинные заводы опространствливаются и овременяются в окружной системе. В рамках окружной системы оформлялось региональное производственное пространство заводов, заводских цехов и ремесленно-кустарных мастерских, рождая в их взаимодействии специфические практики. Уральское время-пространство создавало специфические конфигурации пространственно-временных практик. Телесные управленческие и производственные практики, оформляясь во время взаимодействия людей, опространствливаются в округ, рождая новые заводские, ремесленные, промысловые и административные практики и структуры.

История уральского старопромышленного района разносторонне и глубоко разработана благодаря трудам поколений многих уральских историков. Поэтому обратим наше внимание лишь на один из аспектов соотношения казенного, крупного и мелкого частного предпринимательства в контексте экономической политики государства при условии сдерживающих факторов доминирующих традиционалистских властных и повседневных практик: феодально-сословной гетерогенности, неготовности большинства владельцев горных заводов поступиться своими привилегиями и монополиями, большого неосвоенного пространства, отсутствия развитой судебной и банковской сферы, дефицита кадров вследствие крепостной зависимости значительной части горнозаводского населения, устранение которой после реформы 1861 г. осложнилось решением вопроса о землевладении и занятии ремесленно-кустарными промыслами горнозаводского населения.

Говоря о своеобразии и идентичности Уральского региона, современные историки отмечают две основные особенности его горнозаводской промышленности: жесткий регламентационный характер «горных законов» и наличие «трех «правовых форм» – казенной, посессионной и вотчинной (владельческой), которые различались по степени участия государства в организации заводского хозяйства и зависящему от этого уровню правовой регламентации промышленной деятельности» [Неклюдов, 2021, с. 3]. В. В. Адамов поставил на обсуждение те же вопросы развития капитализма, что и его коллеги по цеху, но с ударением на особенное, традиционное – многоукладную экономику, которая, если продолжить ход его мысли, очищенная от атавизмов феодализма и крайностей капитализма, имела потенциал стать фундаментом послевоенного развития России, когда могли быть решены вопросы технического и социального характера [см.: Адамов], но самодержавие не пошло на решитель-

ные реформы, упустив шанс глубинной модернизации социальной и экономической сфер.

В 1702 г. известный в свое время представитель учения камерализма Генрих фон Бодде в своей книге «Княжеских сил хитрость, или Неисчерпаемый златый кладезь, чрез который государь сильным себя учинить и подданных своих обогатить может», переведенной на русский язык по указу Петра Великого для его личной библиотеки, высказал крайне актуальное мнение: «Увеличение недвижимого имущества за счет расширения границ и захвата новых территорий порой опасней и приносит стране более вреда, чем пользы; в случае, если у монарха земли больше, чем он способен защитить или сделать ее богатой, – от того ему не будет никакой пользы вследствие оскудения страны, которое сопровождается порой недостаточной ее защитой. <...> Следовательно, тот монарх намного более счастлив, что владеет небольшой, но богатой страной, в отличие от владеющего большой запущенной страной или отдаленными землями» [Bode, p. 162]. Данное рассуждение как нельзя лучше отражает одну из определяющих парадигм истории России как страны постоянно колонизирующейся, то есть расширяющейся и колонизирующей все новые земли – не в смысле завоевания, но, как предполагается, посредством мирной инфильтрации, что не делает задачу освоения новых земель проще [Уффельман, с. 61].

Следуя этой мысли Бодде о роли пространства в экономическом развитии страны, можно сделать гипотетический вывод, что чем больше Россия прирастала новыми территориями и богатствами, увеличивая тем самым свой потенциал пространства-времени, тем больше она подвергала себя опасности потеряться в нем из-за недостатка материальных и человеческих ресурсов для защиты протяженных границ и освоения территории. Отсюда постоянная или мнимая угроза внешней интервенции и мобилизация всех ресурсов для защиты с одновременной тенденцией к экономическому упадку большей части населения и доминирующей ролью государства во всех областях жизни общества. Петр I, взойдя на престол, унаследовал от своих предшественников традиционную пространственную парадигму, которую он многократно усилил и передал в наследие будущим поколениям.

В поисках ответа о природе петровской модернизации существует определенная тенденция связывать ее с войнами, провоцирующими модернизационные рывки. В рамках концепта войны для верификации феномена модернизации привлекаются, к примеру, Великая Северная война (реформы Петра I), Наполеоновские войны и Отечественная война 1812 г. (строительство оружейных заводов на Урале), Крымская война (реформы Александра II) и Первая мировая война (реформы и антиреформы Николая I) [см.: Kiselev]. В этом есть зерно истины, но оно пропадает, если начинает работать другая логика в форме непреложной максимы русской истории «модернизироваться или умереть», почему все средства должны были быть брошены «на достижение победы». В результате социальные и экономические

реформы откладывались, а с ними – и решение социального вопроса, разрешить который в экстремально вязком российском социуме было крайне сложно.

Руководствуясь идеей камерализма о промышленности как о главном богатстве страны, Петр Алексеевич указом от 2 ноября 1700 г. и введением Берг-привилегии в 1719 г. устанавливает в России по примеру европейских государств «горную свободу», введя горную и лесную регалии. «Горная свобода» предполагала отделение владения недрами земли от владения ее поверхностью, позволяя представителям любого сословия заниматься горнорудным промыслом на частных и казенных землях. «Горная регалия» и «лесная регалия» регулировали отвод заводам казенных земель и «лесных дач» [Неклюдов, 2011, с. 14]. С самого начала создания казенных мануфактур правительство, следуя максиме камерализма, столкнулось с вопросом финансирования и рентабельности казенных предприятий «на фоне успехов частного предпринимательства, в том числе и в выпуске военной продукции. <...> Следствием этого стали колебания высшей власти в выборе казенного и частного путей развития горнозаводской промышленности» [Там же, с. 191].

Будучи сторонником поощрения частной промышленности, Петр I в 1724 г. повелел В. Н. Татищеву «для размножения медных заводов в Сибири обретенные медные руды места на речке Полевой и Гумешках отдать охочим людям в компанию», что не без оснований по причине отрицательного мнения В. Н. Татищева и В. И. Геннина не было приведено в исполнение. Последовавшая затем «номенклатурная приватизация» казенных заводов Урала в царствование Анны Иоанновны в 1739 г. и Елизаветы Петровны в 1750-е гг. показала, что приватизация сама по себе не является универсальным средством для достижения желаемого результата при неспособных исполнителях [Неклюдов, 2021, с. 191; Неклюдов, 2018, с. 188]. Несмотря на неудачные попытки приватизации казенных заводов, «курс на приватизацию, провозглашенный Берг-регламентом, не был отменен. Не пропало и желание “партикулярных людей” приобрести казенные заводы» [Неклюдов, 2021, с. 196]. Ведь, кроме государственных заказов, они могли производить продукцию для местного потребления: «“развозили” его (железо) “на вольную продажу в городах”... и отправляли на экспорт через агентов иностранных фирм, т. е. были реальными конкурентами частным заводам» [Там же, с. 190–191].

Отмена горной свободы и горной регалии, согласно манифесту Екатерины II от 28 июня 1782 г., и введение принципа акцессии, дополненного 22 сентября того же года «возвращением права собственности землевладельцев на леса, “в дачах их растущие”, создавало повод для обособления тех заводчиков, которые основали свои заводы на собственных землях без помощи казны» [Там же, с. 17, 19], а значит, и усилению обозначенной тенденции обособления интересов государства и заводчиков за счет снижения социальных стандартов

и благосостояния низших страт населения. Проект Горного положения 1806 г. и его реализация привели к возникновению системы горных округов – «окружной системы».

К началу XIX в. одним из главных правил существования казенных заводов, кроме принесения прибыли государству и снабжения армии предметами вооружения и металлом, оставалось содействие развитию частной промышленности, что к середине XIX в. оказалось проблематичным ввиду ограниченности средств казенных заводов, переставших «быть проводниками передовых технологий» [Шумкин, с. 38].

Установленная взаимосвязь между аргументацией замкнутого круга и ретроспективной логикой в анализе исторической событийности показывает, что это может приводить к противоположным идеям развития выводов, а именно – что у государства и предпринимателей не хватало ресурсов, поэтому государство «замораживало» социальный статус заводчиков, крестьян и мастеровых для «успешного развития промышленности» в ущерб социальному прогрессу: «”вещественные пособия”, передававшиеся заводчикам от казны в виде земель, лесов, рудников и, особенно, рабочих... невозможно было отнять, не разрушив всего заводского хозяйства» [Неклюдов, 2011, с. 7]. Мнение, основывающееся на учении камерализма о том, что «от рудокопных заводов и прилежного устройства оных земля обогащается и процветает; также пустыя и бесплодные места многочисленностью населения, якоже и искусство в различных землях довольно показывает» [Там же, с. 17], оказалось недостаточным, что справедливо как для XVIII в., так и для последующих десятилетий, так как перенимать технологии без социальных институтов независимого (коммерческого) суда, гражданских прав и обязанностей оказалось делом затратным и бесперспективным. Важное место среди принципов камерализма занимали развитие судебной ветви власти, а значит, неподкупных судов и равенства перед законом, что должно было обеспечить, по мысли Генриха фон Боде, процветание промышленности и торговли, повысить благосостояние населения, но низшие его страты остались в большинстве своем бесправными и бедными, а заводчики и казна обогатились. Иными словами, камералисты рассматривали государственную казну и уровень доходов населения как два сообщающихся сосуда, где чем богаче население, тем богаче казна, и наоборот. Вышеприведенный взгляд оборачивался охранительно-консервативной политикой, в ходе которой правительство «вынуждено» было прибегать к практике закрепощения и привилегий, чтобы «развивать» горную промышленность, так и оставшуюся, несмотря на все модернизации, производителем по большей части полуфабрикатов (чугуна и железа) без глубокой их переработки вплоть до начала последнего промышленного подъема в 1910–1913 гг.; когда «Урал перестал быть только горно-металлургическим регионом, он становится крупным центром металлообработки» [Алексеев, Гаврилов, с. 499], а обогащение населения страны опять отодвинулось в неопределенное будущее.

Особый статус на Урале имели посессионные заводы, проходившие схожий путь развития с казенными и владельческими производствами от мануфактуры к заводу, где существенными отличительными признаками были усиленная государственная регламентация и контроль со стороны горных властей. На примере кейсов Андрея Кнауфа и Александра Эверсмана видна не только важная роль иностранцев на Урале в формировании его идентичности как открытого миру региона, где нашли свое применение производственные и технико-технологические практики из самых разных уголков Европы, но и проблематика двух принципов организации производства – смешанного формата рассеянной мануфактуры с центральным производством (производственные и социальные практики мастеров в своих мастерских и на заводе), превращенного в крупный казенный централизованный завод (преимущественно практики, характерные для большого заводского пространства со специализированными производственными цехами).

Приведем хорошо известные слова ученого и экономиста-практика И. Х. Озерова: «На Урале давно должны были быть свои Павлов и Ворсма и свои Шеффилд и Бирмингем, и между тем, как и в Петровскую эпоху двести лет тому назад, мы производим до сих пор только главным образом чугун и железо» [Озеров, с. 13; см., также: Алексеев, Гаврилов, с. 499]. Данное сравнение символично и говорит о том, чего так не хватало Уралу, о той структурной проблеме, с которой советская власть, как казалось, покончила раз и навсегда, уничтожив «мелкотоварное капиталистическое производство». Формат же организованного Кнауфом производства совмещал принципы рассеянной мануфактуры и крупного металлургического завода – *полиморфного горнозаводского района*.

Характерной особенностью названных промышленных центров Англии было то, что металл для многочисленных мастерских мелких производителей варился в печах металлургических заводов Шеффилда, Бирмингема и Уэльса, как это было в Лотарингии, Льеже, Антверпене и Рурской области. А. Кнауф, купивший Златоустовский чугуноплавильный и железоделательный завод (вместе со всеми заводами будущего с 1811 г. Златоустовского горного округа), согласно высочайшему указу от 30 сентября 1800 г. на посессионных началах существенно его модернизировал, начал налаживать «немецкую фабрикацию» различных металлоизделий, в том числе качественного стального инструмента (вторая попытка после неудавшегося опыта А. Ф. Дерябина на Ижевском оружейном заводе в 1807 г.), для надобностей заводского и сельского хозяйства. Для этих целей он пригласил на должность директора Златоустовского завода А. Эверсмана, состоявшего ранее на прусской службе генерал-инспектором в Великом герцогстве Бергском (округ Золинген, Германия).

Капитальная модернизация и перевооружение А. Кнауфом Златоустовского завода, на базе которых была создана Златоустовская ору-

жейная фабрика, основанная в 1813 г. и пущенная 16 декабря 1815 г., стали возможны благодаря большим финансовым вливаниям иностранных капиталов со стороны Кнауфа и привлечению иностранных мастеров в 1809–1810 гг., в том числе с Ижевского оружейного завода, приехавших по приглашению начальника Гороблагодатских, Камских и Богословских заводов А. Ф. Дерябина и при посредничестве Д. Гильгера и А. Эверсмана из Германии, Дании и Швеции [см.: Ермакова]. Среди них были литейщики, якорщики, шлифовщики и др., поселившиеся отчасти по принципу рассеянной мануфактуры. Мастера охватывали широкий спектр производств: рафинированной стали, изготовления слесарных и лесопильных пил, лопат, выделки «зубил, каминных щипцов, долот, гвоздей, топоров, рессор, кофейных машин», «шалнерных петель из зеленой меди», седел [Окунцов, с. 8–9].

После перехода в 1811 г. Златоустовского завода в казну А. Эверсман продолжил теперь уже по заданию русского правительства вербовку мастеров в Германии (Рурская область) и Франции (Эльзас), необходимых для постройки Златоустовой оружейной фабрики и настоявших на том, что они готовы работать только под руководством Эверсмана, придерживавшегося правила организации производственного пространства в виде рассеянной мануфактуры, характерного для старопромышленных районов Европы. Расхождение данного принципа с видами правительства на расширение производства и массовую продукцию могло стать возможной причиной увольнения А. Эверсмана со службы. Но, вероятно, решающим фактором стало назначение российских специалистов из корпуса горных инженеров, лучше знакомых с российскими социальными практиками. Главнo-управляющим Златоустовских горных заводов горным инженерам М. И. Клейнеру (1811–1815) и А. Ф. Фурману (1815–1820) была поставлена задача наладить массовое производство белого (холодного) оружия для всей русской армии, что было возможно с организацией крупного централизованного производства в заводских цехах. Хотя горный офицер А. Ф. Фурман был блестяще образован и прекрасно знаком с европейскими практиками производства оружия на базе рассеянной мануфактуры, он должен был подчиняться военной дисциплине и выполнять указания правительства, а не руководствоваться экономическими выгодами и вопросами прибыльности. В данном контексте Ю. П. Окунцов отмечает с укоризной, что Эверсман и «не помышлял... о четкой структуре предприятия, централизации производства и технологии» [Окунцов, с. 20]. Безусловно, его представления о качестве продукции также не находили отклика. С увольнением Эверсмана в 1817 г. златоустовское производство оказалось максимально централизовано и организовано по принципам крупного производства, на нем было введено жесткое регулирование цен, объемов продукции и ассортимента при одновременной спорадичности заказов, что неизбежно приводило к конфликту разных технологических укладов. Немецкие златоустовские мастера со своими

подворьями и мастерскими при них с трудом вписывались в новый порядок. Закупка «лучших фабрик» и технологий в Европе привела к противоречивому результату.

Ремесленно-кустарные промыслы

Перейдем к оценке последнего важного аспекта промышленного развития – ремесленно-кустарной промышленности. Логика исследования казенных предприятий горнозаводского Урала приводит ученых различных исторических направлений к обоснованному выводу о том, что противоречивость их «приватизаций» может объясняться «оригинальным строем» с «пережитками феодализма» или особым характером горнозаводской промышленности Урала, носившей специфические черты «заводов-поместий» или «округов-латифундий» [Адамов; Неклюдов, 2011; Неклюдов, 2018; Неклюдов, 2021]¹.

Л. В. Ольховая, исследовавшая промыслы Уральского региона, отмечала, с одной стороны, «более быстрый рост числа кустарных промыслов в начале XX в... не в крупных центрах Урала, а в отдаленных районах края» с постепенной концентрацией мелкого промышленного производства, с другой, тяготение кустарного производства во многих районах к заводам и к торговым путям [Ольховая, 1964, с. 9], хотя это сосуществование не всегда было гармоничным. Особое обследование металлических кустарных промыслов Екатеринбургского уезда, произведенное в 1906 г. уездным земством, установило, что в отношении приобретения необходимого угля положение местных кузнецов почти нисколько не изменилось к лучшему. Так, например, кыштымские кузнецы все еще получали уголь на заводе по 3 руб. за кубометр, и притом в количестве не свыше четырех коробов на месяц. Там же отмечается, что чугунолитейная мастерская в Кыштымском заводе, где занято пять рабочих, из них двое наемных, редко работает из-за недостатка угля [Там же, с. 83–87].

Реформа горнозаводских округов на Урале во второй половине XIX в., и особенно в годы Первой мировой войны, сделала это взаимодействие отчасти возможным. Заводы возникали и исчезали, равно как и ремесленные мастерские в зависимости от спроса, условий рынка сырья и рабочей силы. Вследствие этого кустарные промыслы

¹ Тезис В. В. Адамова о живучести некоторых особенностей окружной системы косвенно подтвержден в монографии В. В. Алексеева и Д. В. Гаврилова. По их мнению, «уральская окружная система горнозаводского хозяйства [как] большое натуральное хозяйство... пережила отмену крепостного права и революцию 1917 г., а затем в новой форме проявила себя в советский период, когда большинство крупных предприятий старались иметь в своем распоряжении все необходимые основные и подсобные производства» [Алексеев, Гаврилов, с. 499]. Данный пример иллюстрирует один из возможных вариантов наследования негативных практик изначально убыточного производства, не учитывающего отраслевое разделение труда (избавление от непрофильных активов) и сосредоточение на ключевых компетенциях. Напротив, положительной практикой можно назвать создание в городах-заводах социальной инфраструктуры в виде школ, церквей, больниц, в советское время – детских летних лагерей отдыха.

могли размещаться чрезвычайно неравномерно даже в рамках одного уезда. Шадринские пимокаты, портные Юговского завода, артели кунгурских сапожников и многие другие ремесленники Пермской губернии поставили сотни тысяч единиц продукции в рамках военного заказа после 1914 г., а металлисты изготавливали «детали для снарядов, что значительно повышало производительность больших заводов, выпускавших снаряды» [Ольховая, 1972, с. 337]. Это стало возможным именно потому, что крестьяне-промысловики и ремесленники Урала были в значительной степени интегрированы в горно-металлургическое и металлообрабатывающее производство [Горнозаводские центры, с. 75]. В крупных заводских поселениях были сосредоточены ведущие кустарные производства, связанные «с обработкой металла – кузнечно-клепального, чугунно-литейного, экипажного, деревообрабатывающего, гранильного, изготовления сельскохозяйственной техники и др.» [Алеврас, Фомичева, с. 53].

Ю. А. Кашаева показала вслед за М. И. Туган-Барановским, что «источниками формирования группы кустарей в Пермской губернии являлись крестьяне-земледельцы и мастеровые закрывшихся или сокративших работу заводов. <...> Широкое распространение кустарных промыслов в Пермской губернии в конце 1880-х – 1914 гг. свидетельствовало о начале включения уральской деревни в процесс форсированной модернизации, являясь одним из главных элементов “низовой” модернизации. Обращение крестьян к кустарному производству способствовало ускорению процесса разрушения традиционных устоев и втягиванию их в индустриальное развитие» [Кашаева, 2007, с. 228]. Но если с трансформацией заводского хозяйства дела шли неплохо, то у промысловиков и ремесленников, за исключением художественных промыслов, поддержанных в ряде случаев самими заводчиками, дела обстояли плохо. Последние всячески подавляли самостоятельных мастеров, затрудняя им доступ к углю, дровам, металлу, древесине, другим производственным материалам [Ольховая, 1964, с. 85].

Н. Н. Алеврас и Т. С. Фомичева показали, что позиция признанного знатока уральской промышленности В. Д. Белова, внесшего значительный вклад в интеллектуальное освоение проблемы кустарных промыслов на горнозаводском Урале на рубеже XIX–XX вв., находила поддержку среди «сторонников развития кустарных промыслов в среде горнозаводского населения... которые бы смягчили трансформационные процессы и содействовали органичному вживанию в новую систему прежних социокультурных стереотипов населения, содействуя этим самым формированию социума, внутренняя конфликтность которого была бы сведена к минимуму» [Алеврас, Фомичева, с. 28–29]. Для этого имелись все основания: «В конце XIX – начале XX в. из 18,8 тыс. пудов железной продукции заводов 25 % реализовывалась на местном рынке» [Там же, с. 30]. Летом 1899 г. к выводу о необходимости поддержки ремесленно-кустарной промышленности пришли члены специальной экспеди-

ции на Урале под руководством Д. И. Менделеева. Во время Первой мировой войны, «несмотря даже на условия военного времени, вызвавшие упадок многих традиционных для горнозаводского Урала видов промыслов, уральский кустарь не утратил способности развивать коммерческую деятельность. Проявляя предпринимательскую гибкость и изобретательность, он сумел приспособиться к новым запросам времени. <...> Неотъемлемой чертой образа уральского мастерового являлись не только заводской труд и хорошо известная его тяга к землепользованию, но и кустарно-промысловые занятия» [Там же, с. 54].

Как нам видится, ключ к пониманию вопроса о роли взаимодействия крупной и мелкой промышленности лежит не в отдании приоритета той или иной форме промышленности, принижении или преувеличении их роли. Недостаточно сказать об очень медленных темпах модернизации, которая «углублялась и расширялась», если это происходило на фоне экстенсивного замедленного роста: к 1770–1790-м гг. уральская горнозаводская промышленность расширилась территориально до своих естественных пределов, но вопрос качественного роста оставался на втором плане ввиду приоритета решения «стратегических задач» развития промышленности «на феодально-крепостнической основе» [см.: Алексеев, Гаврилов, с. 52, 138, 145, 193, 280, 363, 365–367]. В этой связи нужно сказать, что отличительной особенностью большинства уральских горнозаводских рабочих являлась их связь с землей и домашним хозяйством, поэтому они сохраняли потенциал развития в мелких собственников – так же, как в XVIII в., когда кадры для строительства металлургических заводов, а позже и завода, по большей части формировались из местного старожильского населения (из крестьян-рудознатцев, литейщиков и кузнецов), и в XIX–XX вв., когда безработные и полубезработные мастеровые начинали снова заниматься ремесленно-кустарным производством [Там же, с. 289, 438]. Так же, как меняли свой фактический социальный статус крестьянские ремесленники-кустари Павлова и Ворсмы, оставившие земледелие и занимавшиеся исключительно производством металлоизделий на рынок, показывая устойчивость к кризисам, в отличие от уязвимых крупных казенных заводов, зависевших от государственных заказов.

К 1912 г. среди ученых-экономистов и хозяйственников-практиков появилось понимание того, «что успешность мероприятий земства по развитию кустарных промыслов зависит от единства трех направлений: улучшение техники производства, увеличение размеров кредита и организация постоянного сбыта» [Кашаева, 2010, с. 104]. Вследствие этого «пореформенный период был отмечен бурным ростом протоиндустриальной промышленности – кустарных промыслов», не столько составлявших конкуренцию, сколько готовивших кадры для городских ремесленников [Побережников, 2015, с. 33]. При этом одновременно тормозом и благом для кустарных

промыслов было существование горнозаводских администраций. Тормозом, так как последние совместно с горнозаводчиками стремились, за некоторыми исключениями, ограничить размеры кустарного производства [Ольховая, 1964, с. 85–86]. Благом, так как после освобождения крестьян и проведения горной реформы многие заводские мастера открыли свои кузницы. Мануфактура ушла в прошлое, а ремесленные предприятия продолжали с переменным успехом существовать: «Заводы исчезли, а знание ремесла осталось» [Туган-Барановский, с. 268, 461]. Более того, в ряде отраслей мелкая промышленность в начале XX в. по сумме производства превосходила крупную, а годовое производство кустарной промышленности Пермского края составило в 1894–1895 г. «1/6 часть производства фабричной и заводской промышленности края» [Кашаева, 2007, с. 33].

* * *

Заявленный концепт *полиморфной окружной системы* в аспекте теории социальной топологии не может претендовать на исчерпывающее описание всей исторической проблематики уральского старопромышленного района в силу своей методологической специфики. Тем не менее, его можно использовать при разработке перспективных направлений в междисциплинарных исследованиях. В контексте мнения Генриха фон Боде Россия до сих пор не может преодолеть структурное наследие Российской империи в виде огромной невозделанной территории и невозможности привести ее в цветущее состояние из-за невключенности в экономический оборот большей части населения и ввиду недостатка ресурсов. Развитие региональных моделей экономического управления в режиме ограниченной свободы и «неограниченной монархии» предполагало наличие как их сходства, так и различий в зависимости от региональной специфики промышленных районов. По сути, речь идет не о победе того или иного модуса экономических практик, но об оптимальном режиме сосуществования различных социальных акторов и развития практик новой экономики в полиморфной среде времени-пространства. Иными словами, выстроить промышленность, основанную на последних современных технологиях, недостаточно без адаптации полезных практик (*good practices*) инновативной экономики с массой мобильных и гибких конкурирующих концептов и форм производства, в силу своего многообразия двигающих развитие экономики. Таковую среду рождает время-пространство инновационной экономики. Исторический опыт показывает, что не всякое региональное своеобразие и идентичность полезны для успешности сообществ. Цена достижения «стабильности» окружной системы, основывавшейся на несвободном труде и социальном неравенстве и просуществовавшей в виде

гибрида феодально-крепостнического уклада с капиталистическим вплоть до 1917 г. (или они никуда не уходили?), была слишком высока. Урегулирование правового положения зависимого горнозаводского населения могло благоприятно сказаться на улучшении качества и уровня его жизни, развитии мелких и средних производителей в металлообрабатывающей отрасли промышленности.

Список литературы

Адамов В. В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России : Проблема многоукладности. Свердловск : [Б. и.], 1972. С. 225–256.

Азаренко С. А. Топологическое философствование и социальная коммуникация // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, № 4. С. 412–417.

Азаренко С. А. Социальное воспроизводство и топология предела // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер 3: Общественные науки. 2018. Т. 13, № 3 (179). С. 27–37.

Азаренко С. А. К вопросу о языке воспроизводства инженерного мышления // Инженерное мышление: социальные перспективы : материалы междунар. междисциплинар. конф. (Екатеринбург, 12–13 февраля 2020 г.). Екатеринбург : Деловая книга, 2020. С. 51–55.

Алеврас Н. Н., Фомичева Т. С. Кустарные промыслы и горнозаводское население Урала на рубеже XIX–XX вв.: оценки и споры современников // Россия и Урал в годы войны и мира. XX век : к 60-летию со дня рождения Н. Н. Попова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 24–58.

Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М. : Наука, 2008. 886 с.

Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX века) / С. В. Голикова, Н. А. Миненко, И. В. Побережников. М. : Наука, 2000. 264 с.

Гуськова Т. К. Эволюция горнозаводского хозяйства Урала во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Нижне-Тагильского округа) // Вопросы истории капиталистической России : Проблема многоукладности. Свердловск : [Б. и.], 1972. С. 257–267.

Гуськова Т. К. Востребовано временем // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 34–46.

Ермакова О. К. Государственная политика привлечения иностранных специалистов на уральские заводы (первая половина XIX в.) // Quaestio Rossica. 2014. № 3. С. 242–252.

Кашаева Ю. А. Кустарные промыслы Пермской губернии (конец 1880-х – 1914 г.): дис. ... канд. ист. наук. Пермь : [Б. и.], 2007. 283 с.

Кашаева Ю. А. Пермское земство и развитие кустарных промыслов 1880-х – 1914 годах // Вестн. Перм. нац. иссл. политех. ун-та. 2010. № 3. С. 94–104.

Неклюдов Е. Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX века. Екатеринбург : УрО РАН, 2011. 274 с.

Неклюдов Е. Г. Горная реформа в России второй половины XIX – начала XX века: от замысла к реализации. СПб. : Нестор-История, 2018. 576 с.

Неклюдов Е. Г. Казенные горные заводы в России и «приватизационные кампании» XVIII – начала XX в. // Социально-экономическая история Урала XVIII–XX вв.: проблемы и решения : сб. науч. ст. и материалов памяти Е. Ю. Рукосуева. Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2021. С. 187–218.

Озеров И. Х. Горные заводы Урала. М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1910. 255 с.

Окунцов Ю. П. Златоустовская оружейная фабрика. М. : Вече, 2011. 256 с.

Ольховая Л. В. Мелкая промышленность Урала в начале XX века (1905–1913 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск : [Б. и.], 1964. 327 с.

Ольховая Л. В. Мелкая промышленность Урала в годы Первой мировой войны // Вопросы истории капиталистической России : Проблема многоукладности. Свердловск : [Б. и.], 1972. С. 333–345.

Побережников И. В. Проблема полиморфизма в современных теориях социального развития // Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX–XX вв. : К 90-летию со дня рождения В. В. Адамова : сб. науч. ст. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 126–136.

Побережников И. В. Протоиндустриализация как субпроцесс и стадия модернизации: теоретические проблемы // Экономическое развитие и практика реформ : сб. ст. М. : Ин-т экономики РАН, 2015. С. 14–34.

Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М. : Наука, 1997. 735 с.

Уффельман Д. Подводные камни внутренней (де)колонизации России // Политическая концептология : журн. метадисциплинар. исслед. 2013. № 2. С. 57–84.

Шумкин Г. Н. Казенные горные заводы Урала в политике правительства на рубеже XIX–XX вв. // Урал. ист. вестн. 2007. № 16. С. 38–44.

Bode H. v. Fürstliche Macht-Kunst, oder Unerschöpfliche Gold-Grube, Wodurch ein Fürst sich kan mächtig und seine Unterthanen reich machen. Wien : Johann Baptist Schönwetter, 1702. 262 S.

Kiselev M. A. State Metallurgy Factories and Direct Taxes in the Urals, 1700–50 : Paths to State Building in Early Modern Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. Winter. Vol. 1 (16). P. 7–36.

References

Adamov, V. V. (1972). Ob original'nom stroe i nekotorykh osobennostyakh razvitiya gornozavodskoi promyshlennosti Urala [On the Original System and Some Features of the Development of the Mining Industry in the Urals]. In *Voprosy istorii kapitalisticheskoi Rossii: Problema mnogoukladnosti*. Sverdlovsk, S. n., pp. 225–256.

Alekseev, V. V., Gavrilov, D. V. (2008). *Metallurgiya Urala s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [Metallurgy in the Urals from Ancient Times to the Present Day]. Moscow, Nauka. 886 p.

Aletras, N. N., Fomicheva, T. S. (2006). Kustarnye promysly i gornozavodskoe naselenie Urala na rubezhe XIX–XX vv.: ocherki i spory sovremennikov [Handicrafts and the Mining Population of the Urals at the Turn of the 20th Century: Assessments and Disputes of Contemporaries]. In *Rossiya i Ural v gody voiny i mira. XX vek. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya N. N. Popova*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 24–58.

Azarenko, S. A. (2016). Topologicheskoe filosofstvovanie i sotsial'naya kommunikatsiya [Topological Philosophising and Social Communication]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta Novaya seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. Vol. 16. Iss. 4, pp. 412–417.

Azarenko, S. A. (2018). Sotsial'noe vosproizvodstvo i topologiya predela [Social Reproduction and Topology of the Limit]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki*. Vol. 13. No. 3 (179), pp. 27–37.

Azarenko, S. A. (2020). K voprosu o yazyke vosproizvodstva inzhenerenogo myshleniya [On the Question of the Language of Reproduction of Engineering Thinking]. In *Inzhenernoe myshlenie: sotsial'nye perspektivy. Materialy mezhdunarodnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii (Ekaterinburg, 12–13 fevralya 2020 g.)*. Yekaterinburg, Delovaya kniga, pp. 51–55.

Bode, H. v. (1702). *Fürstliche Macht-Kunst, oder Unerschöpfliche Gold-Grube, Wodurch ein Fürst sich kan mächtig und seine Unterthanen reich machen*. Wien, Johann Baptist Schönwetter. 262 S.

Ermakova, O. K. (2014). Gosudarstvennaya politika privlecheniya inostrannykh spetsialistov na ural'skie zavody (pervaya polovina XIX v.) [State Policy in the Recruitment

of Foreign Specialists in Ural Factories (the 1st Half of the 19th Century)]. In *Quaestio Rossica*. No. 3, pp. 242–252.

Golikova, S. V., Minenko, N. A., Poberezhnikov, I. V. (2000). *Gornozavodskie tsentry i agrarnaya sreda v Rossii: vzaimodeistviya i protivorechiya (XVIII – pervaya polovina XIX veka)* [Mining Centers and Agrarian Environment in Russia: Interactions and Contradictions (18th – First Half of the 19th Century)]. Moscow, Nauka, 264 p.

Gus'kova, T. K. (1972). Evolyutsiya gornozavodskogo khozyaistva Urala vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (po materialam Nizhne-Tagil'skogo okruga) [Evolution of the Mining Economy of the Urals in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Based on the Materials of Nizhny Tagil District)]. In *Voprosy istorii kapitalisticheskoi Rossii. Problema mnogoukladnosti*. Sverdlovsk, S. n., pp. 257–267.

Gus'kova, T. K. (2004). Vostrebavano vremenem [Demanded by Time]. In *Sotsial'no-ekonomicheskoe i politicheskoe razvitie Urala v XIX–XX vv.* Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 34–46.

Kashaeva, Yu. A. (2007). *Kustarnye promysly Permskoi gubernii (konets 1880-kh – 1914 g.)* [Handicrafts of Perm Province (Late 1880s–1914)]. Dis. ... kand. ist. nauk. Perm, S. n. 283 p.

Kashaeva, Yu. A. (2010). Permskoe zemstvo i razvitie kustarnykh promyslov 1880-kh – 1914 godakh [Perm Zemstvo and the Development of Handicrafts in the 1880s–1914]. In *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta*. No. 3, pp. 94–104.

Kiselev, M. A. (2015). State Metallurgy Factories and Direct Taxes in the Urals, 1700–50: Paths to State Building in Early Modern Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Winter. Vol. 1 (16), pp. 7–36.

Neklyudov, E. G. (2011). *Posessionnoe pravo v istorii ural'skoi gornozavodskoi promyshlennosti XIX – nachala XX veka* [Possessional Law in the History of the Ural Mining Industry in the 19th – Early 20th Centuries]. Yekaterinburg, Ural'skoe otdelenie RAN. 274 p.

Neklyudov, E. G. (2018). *Gornaya reforma v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka: ot zamysla k realizatsii* [Mining Reform in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: From Concept to Implementation]. St Petersburg, Nestor-Istoriya. 576 p.

Neklyudov, E. G. (2021). Kazennyye gornyye zavody v Rossii i “privatizatsionnye kampanii” XVIII – nachala XX v. [State-Owned Mining Plants in Russia and “Privatization Campaigns” of the 18th – Early 20th Centuries]. In *Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Urala XVIII–XX vv.: problemy i resheniya. Sbornik nauchnykh statei i materialov pamyati E. Yu. Rukosueva*. Yekaterinburg, Institut istorii i arkhologii Ural'skogo otdeleniya RAN, pp. 187–218.

Okunsov, Yu. P. (2011). *Zlatoustovskaya oruzheinaya fabrika* [Zlatoust Arms Factory]. Moscow, Veche. 256 p.

Ol'khovaya, L. V. (1964). *Melkaya promyshlennost' Urala v nachale XX veka (1905–1913 gg.)* [Small-Scale Industry of the Urals in the Early 20th Century (1905–1913)]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Sverdlovsk, S. n. 327 p.

Ol'khovaya, L. V. (1972). Melkaya promyshlennost' Urala v gody Pervoi mirovoi voyny [Small-Scale Industry of the Urals during the First World War]. In *Voprosy istorii kapitalisticheskoi Rossii. Problema mnogoukladnosti*. Sverdlovsk, S. n., pp. 333–345.

Ozerov, I. Kh. (1910). *Gornyye zavody Urala* [Mining Plants of the Urals]. Moscow, Tipografiya tovarishchestva I. D. Sytina. 255 p.

Poberezhnikov, I. V. (2004). Problema polimorfizma v sovremennykh teoriyakh sotsial'nogo razvitiya [The Problem of Polymorphism in Modern Theories of Social Development]. In *Sotsial'no-ekonomicheskoe i politicheskoe razvitie Urala v XIX–XX vv. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya V. V. Adamova. Sbornik nauchnykh statei*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 126–136.

Poberezhnikov, I. V. (2015). Protoindustrializatsiya kak subprotsess i stadiya modernizatsii: teoreticheskie problemy [Proto-Industrialisation as a Sub-Process and

a Stage of Modernisation: Theoretical Issues]. In *Ekonomicheskoe razvitie i praktika reform. Sbornik statei*. Moscow, Institut ekonomiki RAN, pp. 14–34.

Shumkin, G. N. (2007). Kazennye gornye zavody Urala v politike pravitel'stva na rubezhe XIX–XX vv. [State-Owned Mining Plants of the Urals in Government Policy at the Turn of the 20th Century]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 16, pp. 38–44.

Tugan-Baranovskii, M. I. (1997). *Russkaya fabrika v proshlom i nastoyashchem* [Russian Factory in the Past and Present]. Moscow, Nauka. 735 p.

Uffel'man, D. (2013). Podvodnye kamni vnutrennei (de)kolonizatsii Rossii [Pitfalls of Internal (De)Colonisation of Russia]. In *Politicheskaya kontseptologiya. Zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy*. No. 2, pp. 57–84.

The article was submitted on 09.12.2021